произведениях, письмах, деловых бумагах и даже черновых рукописях Ломоносова. Несмотря на то что работа эта страшно устарела,[27] она все же дает некоторые полезные дополнения к тому, что было указано выше. Так, к перечисленным античным классикам необходимо прибавить Горация, Тита Ливия, Тацита, Лукреция, Клавдиана, Корнелия Севера, Макробия, Эзопа, Гомера, Биона, Мосха, Геродота, Диодора Сицилийского, Демосфена;[28] к новолатинским авторам — Мурета, Оуэна («Эпиграммы»), анакреонтические оды Tyrrhi Creopolitae, «Poemata didascalica», «Bibliotheca poetarum polonorum» и др.

Приведенные материалы, конечно, являются далеко не исчерпывающими свидетелями о круге литературных интересов Ломоносова. И кроме того, необходимо различать «круг интересов» и реальную литературную позицию любого писателя. Если Ломоносов читал Мурета, «Эпиграммы» Оуэна и других новолатинских авторов, то нельзя забывать, что он читал и Вольтера, и Буало, и Готшеда. Поэтому важно не столько знать, кого и что читал Ломоносов, — было бы даже удивительно, если бы он не читал таких прославленных новолатинских авторов, как Мурет и Оуэн, — сколько установить, взял ли он у них что-нибудь для своей общей литературной позиции.

Можно не сомневаться, что сторонники «барочной» концепции Ломоносова, т. е. исследователи, признающие его последователем барокко, попытаются использовать данные о Мурете, Оуэне, «Poemata didascalica» в интересах своей точки зрения. Однако было бы неправильно в таком случае, возражая им, апеллировать только к именам вождей классицизма, — французского и немецкого, — которых читал или упоминал в своих произведениях Ломоносов. Повторяем, не в именах дело, а в той позиции в вопросах литературы, которую теоретически и практически занимал поэт.

В произведениях Ломоносова есть ряд свидетельств того, что он относился враждебно к основному принципу поэтики барокко — к «маньеризму», к так называемому «кончеттизму».[29]

---

[27] В настоящее время находится в печати работа покойного Г. М. Коровина «Библиотека Ломоносова», в которой учтена вся неизвестная А. С. Будиловичу литература вопроса.

[28] Ломоносов владел древнегреческим языком, но есть все основания предполагать, что он предпочитал знакомиться с произведениями греческих писателей в латинских переводах.

[29] Известно, что «кончетти» заключались в соединении остроумных сравнений и неожиданных выводов. Как образец подобных литературных построений обычно приводят стихотворную «Надпись к портрету Рафаэля» Габриэля Кьябреры:

Чтоб прелесть дать своим твореньям,
Он столько жизни в них вместил,
Что уж природа с напряженьем, —
Чтоб с ним сравниться, — ищет сил.
(Перевод мой, — *П. Б.*).